

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 13

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1913

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ

29 АВГУСТА.

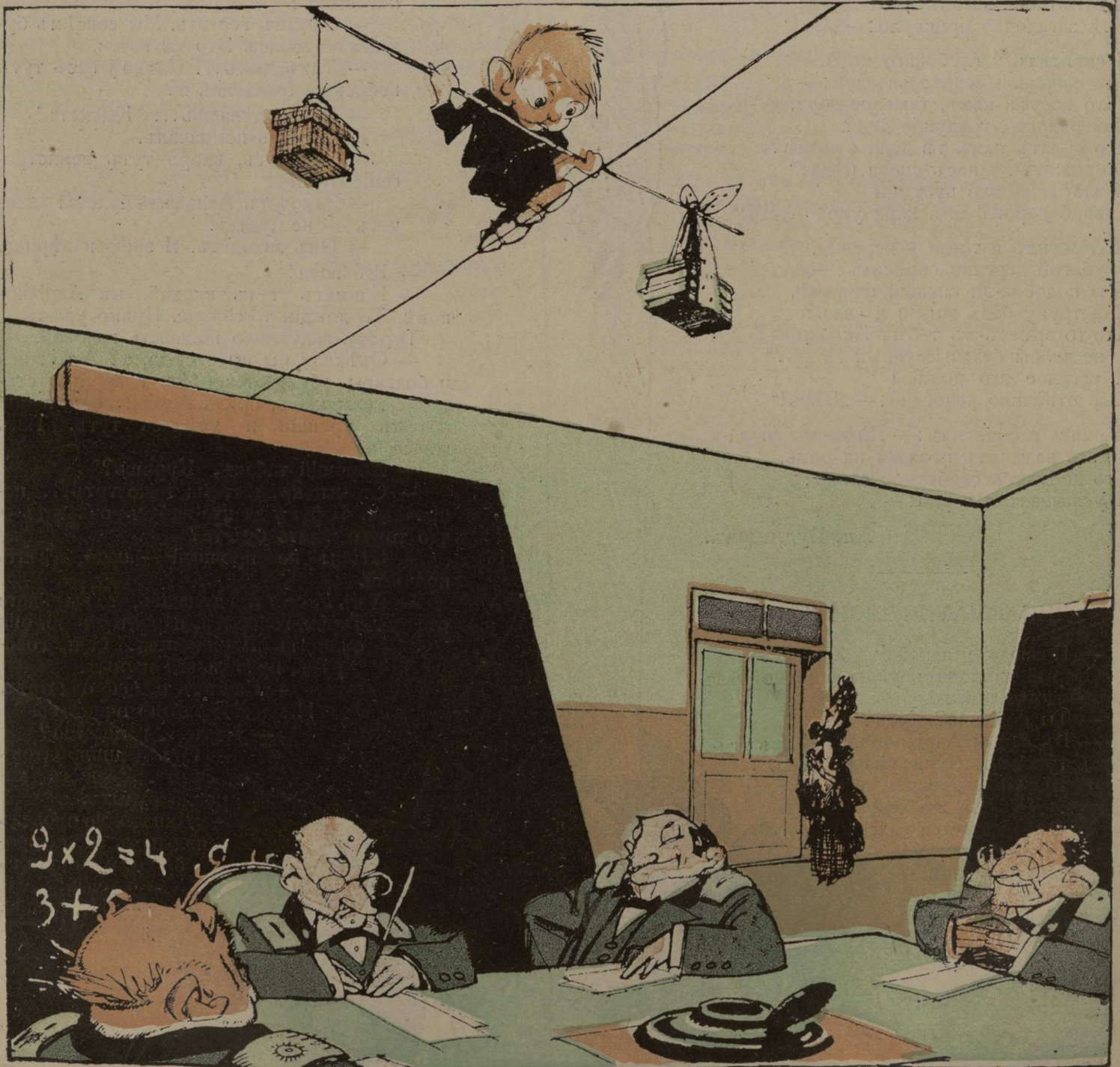
На годъ — 6 руб. 50 коп.; на полгода — 3 руб. 25 коп.; на три мѣс. — 1 руб. 75 коп.; на 1 мѣс. — 60 коп.

Цѣна объявленій за строку нонпарели 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: СПБ., Невскій пр., 98. Телефонъ № 59-07.

Журналъ выходитъ подъ редакціей **Аркадія Аверченко**, при ближайшемъ участіи А. Радакова, Ре-Ми, А. Яковлева и А. Юнгера, а также всего состава прежнихъ сотрудниковъ.

Рис. Ре-ми.

„ПРОВѢРОЧНЫЯ ИСПЫТАНІЯ“.

— Перейдетъ или нѣтъ?

ЭХО.

(На мотив Бальмонта).

Я спросил у высокаго
солнца,
У высокаго солнца съ
тоской: —
„Къ счастью родины на-
шей оконце,
Кто откроетъ безстраш-
ной рукой?
Что закрыла собою завѣса?
Новый путь, иль... опять Дурново?“
И-отвѣтное эхо изъ лѣса
Мнѣ загадочно крикнуло: — „Во!“

Я спросилъ у глубокаго моря,
Гдѣ сверкали созвѣзды одни: —
„Что несутъ намъ, тяжелое горе,
Или радость, грядущіе дни?
Что сулятъ намъ тѣ дали отнынѣ?
Сторожить-ли насъ снова бѣда?“
И зловѣщее эхо пустыни
Словно воронъ мнѣ каркнуло: — „Да!“

И спросилъ я тогда у деревни,
У убогой деревни спросилъ: —
„Ты подобна-ли спящей царевнѣ,
Или трупъ безъ жизни и силъ?
Кто-то зрѣть въ тебѣ? Исполины?
А не злобы безмысленный звѣрь?“
И веселое эхо долины
Мнѣ отвѣтило радостно: — „Вѣрь!“

И опять я спросилъ: — „Если-жъ снова
Всѣмъ надѣнуть повязки на ротъ,
Кто добудетъ свободное слово?“
И услышалъ я гордо: — „!

Ал. Будищевъ.

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЙ ХОДЪ.

— Позвольте, я пойду. Я устрою.
Старый дипломатъ угрюмо посмотрѣлъ на молодого, юркаго.
— Ты пойдешь? Куда?
— Въ самый Адрианополь. Я ихъ уговарю, турокъ-то. Они уйдутъ. Ихъ надо только уговорить, они и уйдутъ. Должны же они понять, что создается адски скандальное положеніе: по рѣшенію дипломатіи они должны уйти изъ Адрианополя —

а не уходить. Я имъ скажу, уговорю ихъ. Такъ и такъ, молъ.

* * *

— Эй, ты, шалтай-балтай... Здравствуй!
— Драсти пожалста. Садись, гостымъ будышь.
— А я къ вамъ. Вотъ, въ Адрианополь.
— Очинъ харашо.
— Долго думаете въ Адрианополь погостить?
— Зачымъ гостить. Мы совсѣмъ будымъ оставался. Это ты гости.
— Такъ, такъ... Плохо у васъ тутъ небось... Эпидеміи, а?
— Что подѣлаешь... Кысметъ!
Дипломатъ помолчалъ.
— Говорятъ, скоро тутъ землетрясеніе будетъ.
— Захочетъ Аллахъ — будетъ, захочетъ — не будетъ.
— Онъ захочетъ. Я знаю навѣрное.
— Его воля!
— Климатъ тутъ плохой, въ Адрианополь. То дожди, то солнце. Прямо ужасъ. Турокъ задумчиво покачалъ головой.
— Съѣхали бы вы отсюда, а? А то вонъ и болгары обижаются. Мы, говорятъ, старались, старались, брали Адрианополь, а они потомъ пришли и усѣлись тутъ. Такъ какже, а?
— Хорошій табакъ. Куришь?
— Стѣны крѣпостныя тоже тутъ... непрочныя. Вдругъ да кто-нибудь нападетъ — что тогда дѣлать будете?
— Стѣны не прочныя — надо дѣлать прочныя.
— А въ Россіи всѣ думаютъ, что вы уйдете отсюда. Турки, говорятъ, народъ умный, они очистятъ Адрианополь. Они, говорятъ, правильный народъ.
— Совсѣмъ нилза очистить. Немножко можно очистить.
— Какъ... немножко?
— Отъ дипломатовъ очистимъ. Воздухъ хорошій будыть.
Дипломатъ провелъ пальцемъ вдоль пробора и сказалъ вздохнувъ:
— Ну, ладно, живите тутъ.

Только здѣсь санитарная сторона поставлена ужасно. Давайте сдѣлаемъ такъ: вы выйдете на минутку изъ города, а мы его продезинфицируемъ, а потомъ васъ опять пустимъ.

— Ну надо.

— Почему не надо?!

— Такъ. Ну надо. Уходишь? Прощай. Кланыйся тамъ.

* * *

— Ну, что?

— Вотъ проклятый народишка! Уперлись хоть ты имъ коль на головѣ теши. Не хотятъ уходить.

— Гм!.. Какъ же ихъ оттуда вытурить?

— Господа, мнѣ пришла въ голову идея: поставить въ Адрианополѣ коль, а на колу доску: „Туркамъ жить въ Адрианополѣ строго воспрещается“.

— Придумали! Отдеругъ доску — вотъ и все. Нѣтъ, тутъ нужно что нибудь похитрѣе..

— Набрать развѣ штукъ тысячу одалисокъ, да и поселить ихъ въ пустыню куда-нибудь. Турки всѣ побѣгутъ къ нимъ, а мы въ это время займемъ городъ.

— Нѣтъ, не удобно это. Все-таки мы дипломаты. Что-то выйдеть вродѣ торговли живымъ товаромъ.

— Стойте! Придумалъ! Есть же у меня еще воротничекъ и проборъ на плечахъ!

— Ну? Ну?

— Вотъ что: въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Адрианополя мы строимъ другой Адрианополь. Точь въ точь такой-же. Тѣ же стѣны, магазины, дома, памятники старины. А когда выстроимъ — объявимъ его настоящимъ Адрианополемъ, а тотъ старый, скажемъ, что не считается. Такъ вотъ — не считается и не считается! Разъ не будетъ считаться — для чего онъ имъ? Они плюнутъ и уйдутъ.

— Поль! Милый! Дай я тебя поцѣлую . . .

— Тише, Господа! Вы мнѣ своими поцѣлуями монокль въ глазъ вдавили . . .

— Шампанскаго!

Юма Опискинъ.

ПОЗОРНОЕ РЕМЕСЛО.

— Эй, вы! Вы мнѣ продали говядину, а по ней, какъ я разсмотрѣлъ, черви ползаютъ. Вы за это отвѣчать будете!

— Это за что же-съ?

— За торговлю живымъ товаромъ!

СТАРАЯ ПОГУДКА НА НОВЫИ ЛАДЪ.

Нѣкій товарищъ, разговаривая съ министромъ о реформахъ для народа и, возражая ему, воскликнулъ:

— Да вѣдь имъ надо-жъ дать?

— Я съ вами совершенно согласенъ, — добродушно согласился министр. — Имъ надо ждать!

Рис. Д. Митрохина.

МИША.

Миша Бенцъ, зачѣмъ вы такъ небрежны?
Миша Бенцъ, зачѣмъ вы такъ грустны?
Миша, почему вы такъ прилежно
Выбрали съ полосками штаны?

Галстухъ вашъ — лѣниво-беззаботенъ,
И въ бровяхъ приподнятый изломъ.
Многихъ дачницъ (Боже! сколько сотенъ)
Брали вы, о Миша, на проломъ.

Боже мой! Въ „Курьеръ“ (девятьсотъ девятомъ)
Былъ нечаянно подверстанъ вашъ рассказъ, —
Галстухъ сталъ тогда совсѣмъ крылатымъ,
Вышелъ кончиками сразу на показъ.

Миша, въ галстухѣ есть, вѣрно, злая сила —
Зачаровывать умѣетъ острый бантъ:
Роза Френкель вамъ букеты приносила,
Иловайская купила вамъ брильянтъ.

Миша Бенцъ, его вы взяли на мизинецъ,
И потомъ объ этомъ камешкѣ не разъ
У пріятелей, за столикомъ гостиницъ,
Шель придуманный и пошленькій рассказъ.

Элла Райская была неосторожна:
Пригласила Мишу вскользь на бенефисъ.
— „Знаешь Райскую? Все лѣзетъ. Невозможна.
Былъ напитокъ — а теперь уже подкисъ“.

— „Съ Кирой тоже былъ я — (вздыхъ) — когда-то
близокъ“.

Да-а“. И пальцы по столу колотятъ дробь.

— „Киринъ умъ всегда былъ, впрочемъ, низокъ,
Кира думаетъ и дѣлаетъ враздробъ“.

Миша Бенцъ! зачѣмъ-же вы такъ врете?
(Подвяжите галстухъ — онъ виситъ)
Киру встрѣтили вы на Четвертой Ротѣ
И насильно навязались на визитъ.

— „Я съ Григоріемъ Петровымъ былъ такъ друженъ...
Что, отецъ, — бывало, говорю, —
Закатиться развѣ намъ опять на ужинъ
Встрѣтить вмѣстѣ петербургскую зарю!..“

Миша вретъ. Но наступаетъ вечеръ.
Мишѣ, какъ и всѣмъ, пора уснуть.
И вранья съ него сползаетъ глетчеръ
И не давитъ больше Мишѣ грудь.

Миша галстухъ свой раскручиваетъ блѣдный
Черезъ кресло расправляетъ онъ штаны,
Раздѣвается, и видно, что онъ, блѣдный,
Очень худенькій и будетъ видѣть сны.

Сердце Мишино колотится, какъ мячикъ.
Миша — мальчикъ. Миша, въ общемъ, одинокъ.
Видно — онъ свернулся, какъ калачикъ.
Видны — очертанья узкихъ ногъ.

Не бросайте въ Мишу, не бросайте камень.
Въ Мишѣ есть несознанная боль.
Амен тебѣ, Миша, свѣтлый амен.
Ты — не виновать.
Ты — ноль.

Сергѣй Горный.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Журналъ „XX Вѣкъ“ слишкомъ явно хочетъ польстить кош-камъ.

Онъ рассказываетъ объ умѣ кошки, якобы принадлежавшей знаменитому Лафонтену:

Наловивъ мышей и желая сберечь свою дичь живою на случай голодовки, она заперла ихъ въ дупло дерева, гдѣ и кормила зернами, а во избѣжаніе побѣга откусывала имъ предварительно лапки.

Остроумный способъ откусыванія лапокъ можно было бы распространить и на тѣхъ людей, которые пишутъ этими лапками все, что взбредетъ въ голову.

* * *

„Петербургскій Обзоръ“ изъ „Петерб. Газеты“ долженъ былъ бы привести въ восторгъ всякаго, кто любитъ выдернуть яркое перо изъ хвоста ближняго своего.

„Петерб. Обзоръ“ — главный поставщикъ самыхъ разноцвѣтныхъ перьевъ для нашего отдѣла.

Пишетъ онъ обо всемъ. Но пишетъ вотъ, напримѣръ, какъ: *(Газета отъ 14 Авг.). Еще недавно въ одномъ петербургскомъ ломбардѣ оцѣнили прекрасную картину И. И. Левитана въ... 25 рублей, а статуя Венеры Милосской нашли совсѣмъ безцѣнной, въ виду того, что у нея отломана одна (?!) рука.*

Не смѣшалъ ли „Петерб. Обзоръ“ Венеру Милосскую съ Лаокоономъ?

Потому — похожи. И то и другое изъ мрамора. А отломать руку всякій можетъ!

И еще отрывокъ:

...стоявшій у нуля аптекарскій помощникъ сталъ дѣлать дамъ глаза, чтобы она молчала...

Какъ бы хорошо было сдѣлать автору этихъ строкъ — глазами или чѣмъ нибудь инымъ — чтобы онъ не писалъ больше.

* * *

Одна изъ воронежскихъ газетъ (изъ симпатіи къ ней не назовемъ ея имени) пишетъ:

Артисты и режиссеръ постарались, чтобы публика была вполне удовлетворена, они придали пьесѣ ярко-историческую окраску, т.-е. обули (?) героевъ и героинь пьесы въ боярскіе и голландскіе костюмы.

Если героевъ только „обули въ боярскіе и голландскіе костюмы“ — то, играя пьесу голыми, въ однихъ только сапогахъ — герои, вѣроятно, чувствовали себя пренеловко.

* * *

А одна одесская газета въ переводномъ съ французскаго рассказѣ написала:

„Дюкорбейли привезли съ собой дѣтей, кузинъ, кузеновъ и даже большое море“.

Конечно, всякій заинтересуется: что это за „большое море“?

Это — grand-mère...

По-русски — бабушка, а по-одесски — большое море.

Не даромъ Одесса стоитъ на берегу Черной бабушки.

ПЕРЕЭКЗАМЕНОВКА.

(Пѣсни на печальный мотивъ).

I.

Ахъ, на дачѣ дамы пламенны,
Пляжъ — приволень, паркъ — тѣнисть...
Развѣ можетъ про экзамены
Лѣтомъ помнить гимназистъ?
Какъ отдаться математикѣ,
Если такъ недалеко
Ходятъ въ розовомъ халатикѣ
И въ плѣнительномъ трико?!
Тутъ невольно щиплешь усики, —
Разбираетъ дачный ражъ,
Захвативъ бинокль и трусики,
Отправляешься на пляжъ.
Солнце свѣтитъ тамъ привѣтнѣе,
Словно въ сказочной странѣ...
...И проходитъ время лѣтнее
Незамѣтно, какъ во снѣ.

II.

Одѣвичень и одамень
(Какъ сказалъ бы футуристъ!)
Мысль про осень, про экзамень,
Гналъ какъ муху гимназистъ.
Смѣна августовскихъ чисель!!
Отгнавъ курортный хмѣль,
Онъ засѣлъ: успѣхъ зависѣлъ
Отъ одной иль двухъ недѣль.
Онъ засѣлъ, наукъ невольникъ,
Сталъ рѣшать наединѣ
Ненавидный треугольникъ
По угламъ и сторонѣ.
(Шла за двойкою сквозною
Передержка... Но для васъ,
О, кузина, онъ весною
Перешелъ въ послѣдній классъ.
Ахъ, отъ васъ онъ пряталъ книги,
Скрылъ, что пытка впереди,
Такъ святой носилъ вериги
Подъ одеждой на груди...)
Онъ сидитъ, но аксіомы
Непонятнѣй теоремъ...
„Вонъ идетъ студентъ знакомый,
Дай спрошу... расскажетъ всѣмъ“...
Скучно. Тянетъ, какъ наркотикъ,
Поглядѣть въ урочный часъ,
Гдѣ-то розовый капотикъ,
Гдѣ кузининъ алый газъ...
Гимназистъ желалъ повѣтрій,
Труса, глада и меча,
Чтобъ запасы геометрій
Истребила саранча,
Но, увы! неумолимо
Надвигался грозный день.
И — насталь... Но, Муза, мимо! —
Свѣжей раны не задѣнь...
Другъ мой юный, не печалься,
Не читай „Характеръ“ Смайльса, —
Не поможетъ — предреку! —
А съ кузиной въ вихрѣ вальса
Укачай свою тоску...

Готовится къ печати

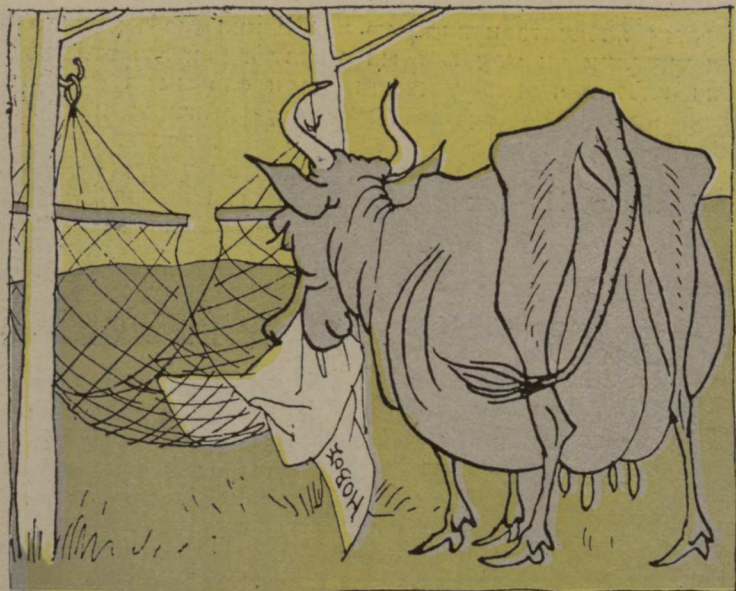
ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
„НОВАГО САТИРИКОНА“

РАЗСКАЗЫ

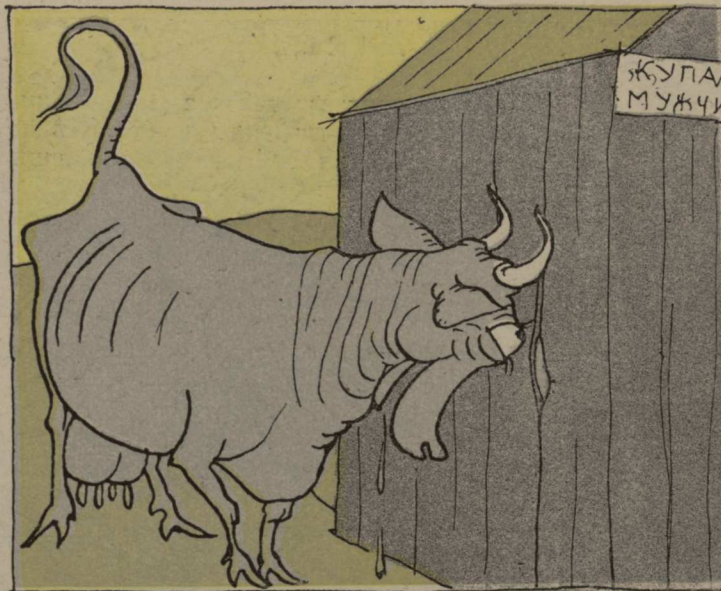
АРКАДІЯ АВЕРЧЕНКО.

Двѣнадцать выпусковъ.

(Цѣна выпуска — 10 коп.).

Однажды корова, забравшись в дачный сад, нашла номер „Нового Времени“ и съела его.

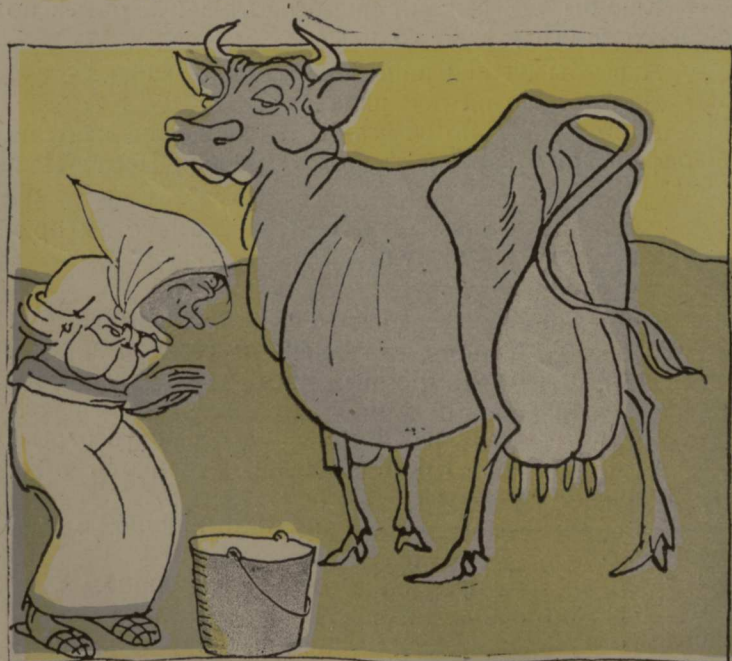
И вот, перевариваясь в желудкѣ, прежде всего подѣйствовала на корову шестая страница съѣденной газеты — (марьяжныя объявленія).

Потомъ — пятая страница (юмористика Ренникова, А. Столыпина, etc.).

Затѣмъ — третья... (рядъ статей о финнахъ).

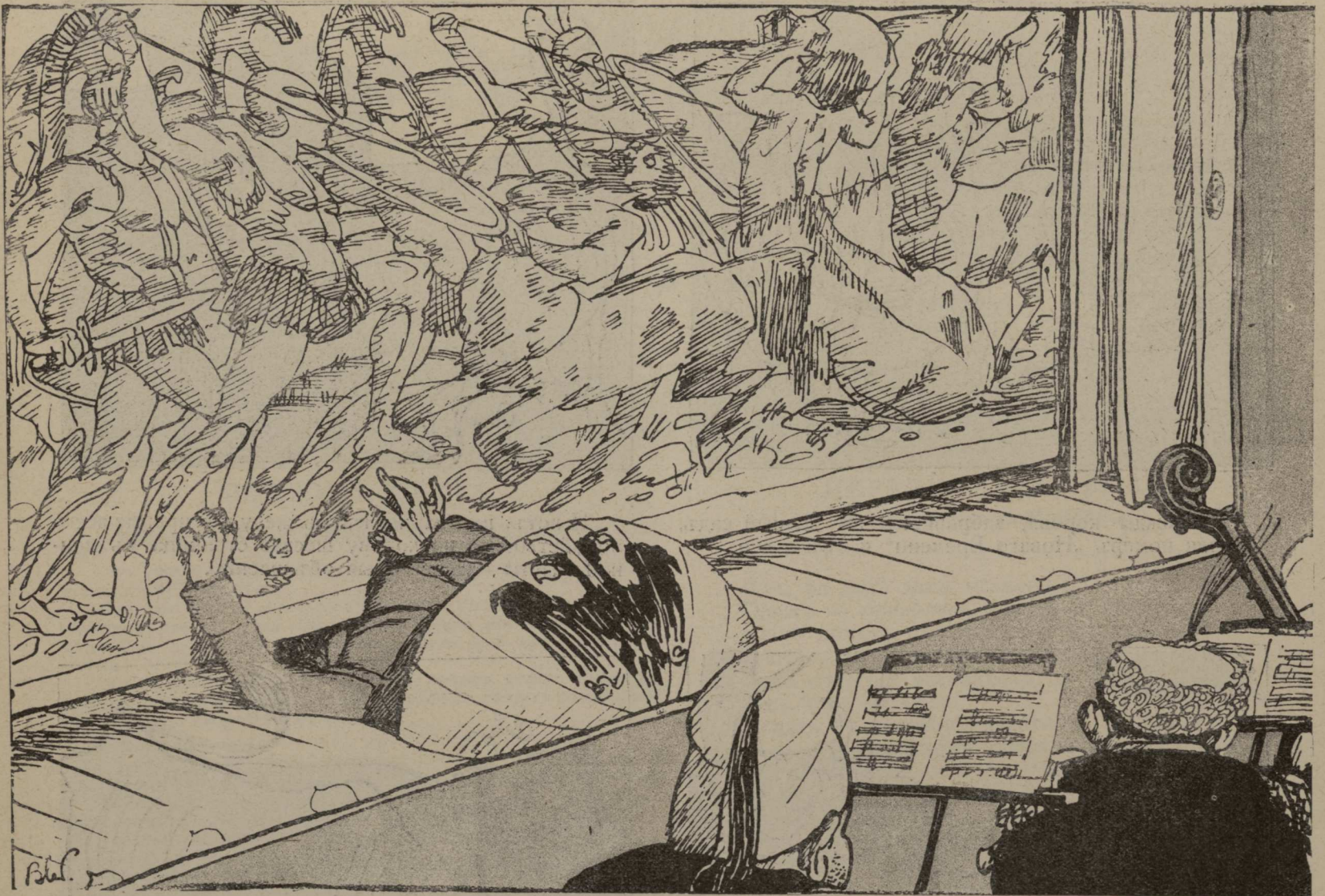
Затѣмъ — четвертая (вмѣсто молока — вода съ мѣломъ):

„Мы давно уже предсказывали, что нашей столицѣ внѣ Вестингауза нѣтъ спасенія и исхода!“

И, наконецъ, первая страница — объявленія о покойникахъ — прикончила ее...

Вотъ какъ влятельная газета можетъ влять на малыхъ сихъ!

Австрія считаетъ, что союзъ Сербіи и Греціи противорѣчитъ интересамъ Австріи на Балканахъ.
(Изъ газетъ).

Австрійскій суфлеръ. — Кх... кх-э-э-э... подождите занавѣсь опускаться! Еще самаго интереснаго не было: „Апофеозъ Австріи на Балканахъ“!! кхэ, кхэ... Честное слово, очень интересно...

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ РАЗСКАЗЪ.

I.

Мы — любимая мною женщина и я — вышли изъ лѣсу, подошли къ обрыву и замерли въ нѣмомъ благоговѣйномъ восхищеніи.

Я нашель ея руку и тихо сжалъ въ своей.

Потомъ прошепталъ:

— Какъ хорошо вышло, что мы заблудились въ лѣсу... Не заблудись мы — никогда-бы намъ не пришлось наткнуться на эту красоту. Погляди-ка, какимъ чудеснымъ пятномъ на сочномъ темнозеленомъ фонѣ выдѣляется эта бѣлая рубаха мальчишки-рыболова.

— О, молчи, молчи, — шепнула она, прижимаясь щекой къ моему плечу.

И мы погрузились въ молчаливое созерцаніе...

— Это еще что такое? Кто такіе? Вы чего тутъ дѣлаете? — раздался пискливый голосъ за нашими спинами.

— Ахъ!!..

Около насъ стоялъ маленькій человекъ въ чечуновомъ пиджакѣ и въ черныхъ длиннѣйшихъ, покрытыхъ до колѣнъ пылью брюкахъ, которые чудовищно широкими складками ложились на маленькіе сапоги.

Глаза непріязненно шныряли по сторонамъ изъ-подъ дымчатыхъ очковъ, а бурые волосы бахромой прилипли къ громадному вспотѣвшему лбу. Жокейская фуражечка сбилась на затылокъ, а въ маленькихъ рукахъ прыгаль и извивался, какъ живой, желтый хлысть.

— Вы зачѣмъ здѣсь? Что вы тутъ дѣлаете? — А? Почему такое?

— Да вамъ-то какое дѣло? — грубо оборвалъ я.

— Это мнѣ нравится! — злобно-торжествуяще всплеснулъ онъ руками. — „Мнѣ какое дѣло?!“ Да земля-то эта чья? Лѣсъ-то это чей? Рѣчушка эта — чья? Обрывъ это — китайскаго короля, что-ли? Мой!! Все мое.

— Очень возможно, — сухо возразилъ я, — но мы вѣдь не съѣдимъ всего этого?

— Еще-бы вы съѣли, еще-бы съѣли! А развѣ по чужой-то землѣ можно ходить?

— А вы-бы на ней написали, что она ваша.

— Да какъ-же на ней написать?

— А вотъ такъ по землѣ-бы и расписали, какъ на географическихъ картахъ пишется: „Земля Чортъ-Иваныча“.

— Ага! Чортъ-Иваныча? Такъ зачѣмъ-же вы прилѣзли къ Чорту Иванычу?!

— Мы заблудились.

— „Заблудились“!.. Если люди заблудятся, они сейчасъ-же ищутъ способъ найти настоящую дорогу, а вы, вмѣсто этого, цѣлыхъ полчаса видомъ любовались.

— Да скажите, пожалуйста, — съ сердцемъ огрызнулся я. — Что вамъ какой-нибудь убытокъ отъ того, что мы полюбовались вашимъ пейзажемъ?..

— Не убытокъ, но вѣдь и прибыли никакой я пока не вижу...

— Господи! Да какую-же вамъ нужно прибыль?!

— Позвольте, молодой человекъ, позвольте, — пропихивалъ онъ, усаживаясь на незамѣченную нами до тѣхъ поръ скамейку, скрытую въ сиреневыхъ кустахъ. — Какъ это вы такъ разсуждаете?.. Эта земля, эта рѣка, эта вонъ рошица мнѣ при покупкѣ стоила денегъ?

— Ну, стоила.

— Такъ. Вы теперь отъ созерцанія ея получаете совершенно опредѣленное удовольствіе?

— Да что-жъ... Видъ, нужно сознаться, очаровательный.

— Ага! Такъ почему-же вы можете придти, когда вамъ заблагоразсудится, стать столбомъ и начать восхищаться всѣмъ этимъ?! Почему вы, когда приходите въ театръ смотрѣть красивую пьесу или балетъ — вы платите антрепренеру деньги? Какая разница? Почему то зрѣлище стоитъ денегъ, а это не стоитъ?

— Сравнили! Тамъ очень солидныя суммы затрачены на постановку, декорации, плату актерамъ...

— Да тутъ-то, тутъ — это вотъ все — мнѣ даромъ досталось! Что-ли? Я денегъ не платилъ? „Актеры!“ Я тоже понимаю, что красиво, что некрасиво: вонъ тотъ мальчишка на противоположномъ берегу, „бѣлымъ пятномъ выдѣляется на фонѣ сочной темной зелени“ — это красиво! Вѣрно... Пятно! Да вѣдь я этому пятну жалованье-то шесть рублей въ мѣсяцъ плачу?

Я возразилъ, нетерпѣливо дернувъ плечомъ:

— Не за то-же вы ему платите жалованье, чтобы онъ выдѣлялся на темнозеленомъ фонѣ?

— Вѣрно. Онъ у меня кучеренокъ. Да вѣдь рубашка-то эта отъ меня ему дадена, или какъ? Да если-бы онъ, паршивецъ, въ розовой или оранжевой рубашкѣ рыбу удиль — вѣдь онъ-бы вамъ весь пейзажъ испортилъ. Было-бы развѣ такое пятно?

— Послушайте, вы, — сказалъ я, выйдя изъ себя. — Что вамъ надо? Чего вы хотите? Я стою здѣсь съ этой дамой и люблюсь видомъ, разстилающимся передъ нами. Это вашъ видъ? Вы за него хотите получить деньги? Пожалуйста, подайте намъ счетъ!

— И подамъ! — выпятилъ онъ грудь, съ видомъ общипаннаго, но бодрящагося пѣтуха. — И подамъ!

— Ну, вотъ. Самое лучшее. А сейчасъ оставьте насъ въ покоѣ. Дайте намъ быть однимъ. Когда нужно будетъ, мы позовемъ.

Ворча что-то себѣ подъ носъ, онъ криво поклонился моей спутницѣ, развелъ руками и исчезъ въ кустахъ.

II.

Хотя настроеніе уже было сбито, скомкано, растоптано, но я попытался овладѣть собой:

— Ушелъ? Ну, и слава Богу. Вотъ навязчивое животное. А хорошо тутъ... Дѣйствительно, замѣчательно! Посмотри, милая, на этотъ перелѣсокъ. Онъ въ тѣневыхъ мѣстахъ кажется совсѣмъ голубымъ, а по голубому разбросаны какія пышныя, какія горячія желтыя пятна освѣщенныхъ солнцемъ вѣтвей. А полюбуясь, какъ чудесно вьется эта бѣлая полоска дороги среди буйной разноцвѣтной вакханаліи полевыхъ цвѣтовъ. И какъ уютна, какъ хороша вонъ та красная крыша домика, бѣлая стѣна котораго такъ ослѣпительно сверкаетъ на солнцѣ. Домикъ — онъ какъ-то успокаиваетъ, онъ какъ-то подчеркиваетъ, что это не безотрадная пустыня... И эта, какъ будто вырѣзанная на горизонтѣ, потемнѣвшая сѣрая мельница... Ея крылья такъ лѣниво шевелятся въ лѣнивомъ воздухѣ, что самому хочется лечь въ траву и глядѣть такъ долго-долго, ни о чемъ не думая... И вдыхать этотъ головокруглительный медовый запахъ цвѣтовъ.

Мы долго стояли, притихшіе, завороженные.

III.

— Пойдемъ.. Пора, — тихо шепнула мнѣ моя спутница.

— Сейчасъ. Эй, человѣкъ, — насмѣшливо крикнулъ я. — Счетъ!

Тотчасъ-же послышался сзади насъ трескъ кустовъ, и мы снова увидѣли нелѣпаго землевладѣльца, который подходилъ къ намъ, размахивая какой-то бумажкой.

— Готовъ счетъ? — дерзко крикнулъ я.

— Готовъ, — сухо отвѣчалъ онъ. — Вотъ, извольте.

На бумажкѣ стояло:

С Ч Е Т Ъ

отъ помѣщика Кокуркова на виды мѣстности, расположенной на его землѣ, купленной у купца Семилапова по купчей крѣпости, явленной у нотариуса Безбородько.

За стояніе у обрыва, покрытаго цвѣтами, испускающими головокруглительный медовый запахъ. . . 2 руб. - к.
Рѣка, такъ называемая голубая лента . . . 1 „ - „

	Руб.	К
Яркое бѣлое пятно мальчика на темнозеленомъ фонѣ кустовъ	—	50 „
Голубой перелѣсокъ, покрытый желтыми пятнами, ввиду дальности разстоянія на сумму	—	30 „
Бѣлая полоска дороги, среди буйной вакханаліи цвѣтовъ; въ общемъ, за все	—	60 „
Успокаивающій ослѣпительный домикъ съ уютной красной крышей, подчеркивающей, что это не безотрадная пустыня.	1	50 „
Потемнѣвшая сѣрая мельница крестьянина Кривыхъ, будто вырѣзанная на горизонтѣ (настоящая! Это такъ только кажется)	—	70 „

Итого всего вида на 6 руб. 60 к.

Скрививъ губы, я педантически провѣрилъ счетъ и заявилъ, придавая своимъ словамъ отгѣнокъ презрѣнія:

— Къ счету приписано..

— Гдѣ? Гдѣ?! Не можетъ быть.

— Да вотъ вы подъ шумокъ вернули тутъ семь гривенъ за мельницу какого-то крестьянина Кривыхъ. Вѣдь это не ваша мельница, а Кривыхъ... Какъ же вы такъ это, а?

— Позвольте-съ! Да она только съ этого обрыва и хороша. А подойдите ближе — чепуха, дрянь, корявая мельничонка.

— Да вѣдь не ваша же?!

— Да я вѣдь вамъ и не ее самое продаю, а только видъ на нее. Видъ отсюда. Понимѣ? Это разница. Ей отъ этого не убудетъ, а вы получили удовольствіе...

— Э, э! Это что такое? За этотъ паршивый домишко вы поставили полтора рубля?! Это грабежъ, знаете ли.

— Помилуйте! Чудесный домикъ. Вы сами же говорили: „домикъ онъ какъ-то успокаиваетъ, какъ-то подчеркиваетъ...“

— Чортъ его знаетъ, что онъ тамъ подчеркиваетъ, только за него вы три шкуры дерете. Предовольно съ васъ и цѣлковый.

— Не могу. Вѣрите совѣсти не могу. Обратите вниманіе, какъ бѣлая стѣна ослѣпительно сверкаетъ на солнцѣ. И не только сверкаетъ, но и подчеркиваетъ, что это не безотрадная пустыня. Мало вамъ этого?

Я рѣшилъ вытянуть изъ него жилы.

— И за дорогу содрали. Развѣ это цѣна — шесть гривенъ? Мы на нее почти и не смотрѣли. Скверная дорожка, кривая какая-то.

— Да вѣдь тутъ за все вмѣстѣ: и за дорогу, и за буйную вакханалію цвѣтовъ. Извольте обратить ваше вниманіе: ежели оцѣнить по настоящему вакханалію, то на дорогу не больше двугривеннаго придется. Пусть вамъ въ другомъ мѣстѣ покажутъ такую дорогу за двугривенный съ обрыва...

Я повернулъ счетъ въ рукахъ и придиричиво заявилъ:

— Нѣтъ, я этого счета не могу оплатить.

— Почему же-съ? Какъ смотрѣть, такъ можно, а платить — такъ въ кусты?!

— Счетъ не по формѣ. Долженъ быть оплаченъ гербовымъ сборомъ.

— Да-съ? Вы такъ думаете? Это по какому такому закону?

— По обыкновенному. Счета на сумму свыше пяти рублей должны быть оплачены гербовымъ сборомъ.

— Ахъ, вы вотъ какъ заговорили?! Пожалуйста! Вычеркиваю вамъ мельницу крестьянина Кривыхъ и рѣчку. Чортъ съ ней, все равно зря течетъ. А ужъ четыре девяносто — это вы мнѣ подайте. Вотъ вамъ и Чортъ Ивановъ!

Я вынулъ кошелекъ, сунулъ ему въ руку пятирублевую бумажку и сдѣлавъ величественный жестъ: „сдачи не надо“ — взялъ свою спутницу подъ руку.

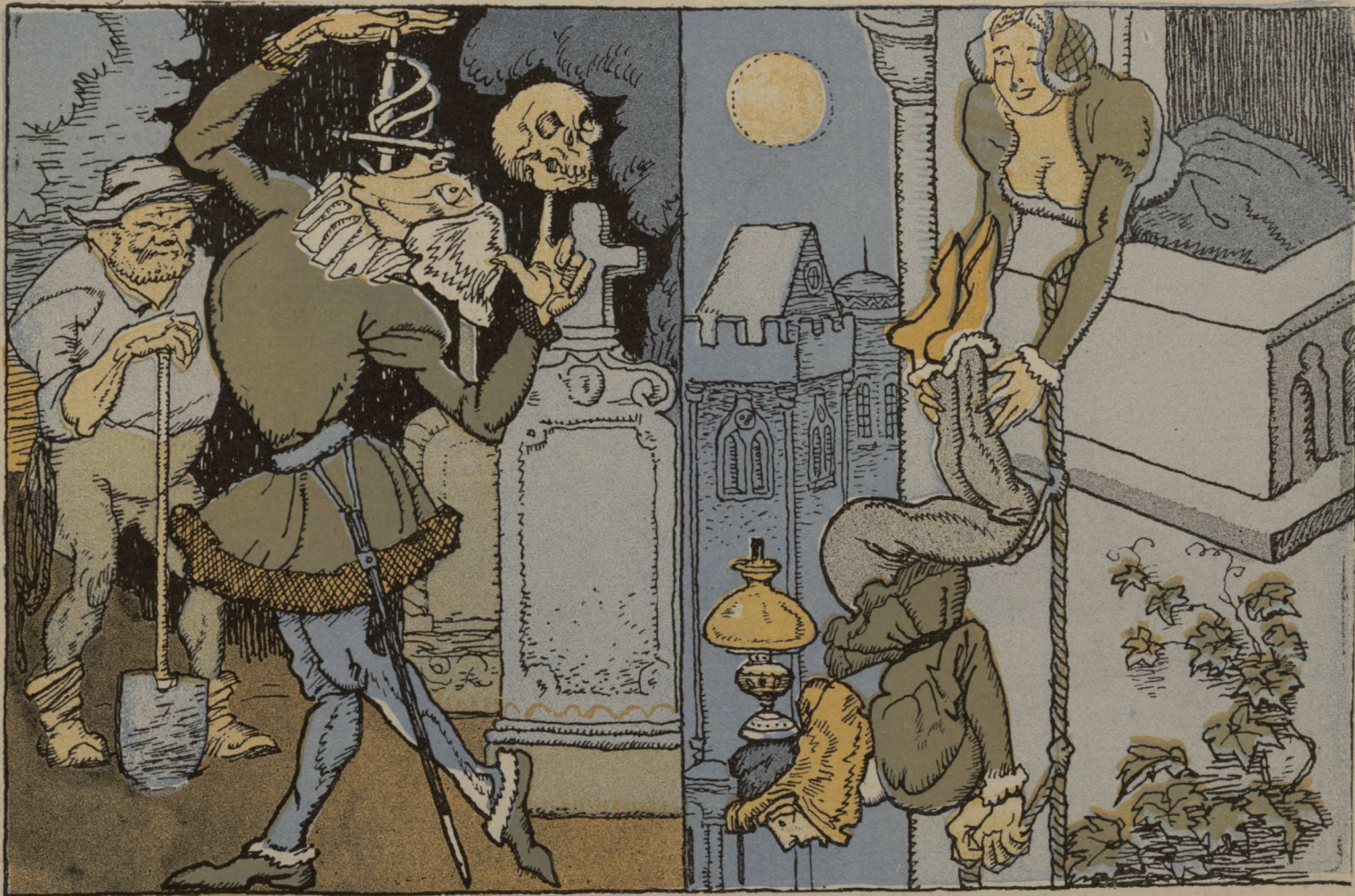
По дорогѣ отъ обрыва мы наткнулись на очень красивую пышную липу, но я ужъ воздержался отъ выраженія громогласнаго восторга

Аркадій Аверченко.

ТОЖЕ ПЕРЕЪЗДЪ.

- А нашъ сосѣдъ съ голубой дачи — переѣхалъ уже въ городъ или еще остается сидѣть?
- Переѣхалъ. Остается сидѣть.
- Что ты, дура, путаешь: то переѣхалъ, то остается?!
- Такъ точно. Онъ переѣхалъ велисапедомъ мальчишку и остается сидѣть при полицейскомъ управленіи.

Увы, въ наше время кабаре, театры миниатюр и сены легкаго жанра, сильно ослабили интересъ къ серьезному искусству. „Нов. Сатириконъ“ даетъ нѣсколько совѣтовъ гг. антрепренерамъ какъ повысить интересъ къ серьезному репертуару. Совѣтъ первый — Гамлетъ, въ сценѣ на кладбищѣ, проглотить свою шпагу и будетъ во время представленія вертѣть черепъ на указательномъ пальцѣ лѣвой руки.

Въ „Ромео и Джульеттѣ“, Ромео поднимется къ Джульеттѣ по лѣстницѣ на рукахъ, держа зажженную лампу на головѣ... (очень просить публику, въ этотъ моментъ не аплодировать). Джульетта, въ это время, будетъ пѣть: „Гайда! Тройка!“ На афишѣ долженъ стоять рисунокъ съ изображеніемъ этого номера.

Въ „Ревизорѣ“ Гоголя, во второмъ актѣ, Городничій и Хлестаковъ будутъ бороться по настоящему, на призъ. Призъ будетъ — пара живыхъ голубей, которыхъ тутъ-же побѣжденный долженъ будетъ съѣсть живьемъ. Макароны допускаются!

Въ „Лѣсъ“ Островскаго, Аксюша будетъ раздѣваться передъ публикой („dessous“ — послѣднія новости Парижа) и тонуть по настоящему, (дирекція, не щадя затратъ, нашла самоубійцу, которая согласилась, во имя искусства, утопиться передъ публикой). Смотрите, пока не поздно!

Рис. А. Яковлева.

ОХОТНИЦА ЗА СКАЛЬПАМИ.

У ВХОДА.

Возлѣ входа въ храмъ науки
 Замеръ конкурсный галдежъ.
 Выпивъ черный кубокъ муки,
 Присмирѣла молодежь.
 Молодые индивиды
 Чинно стали по-три въ рядъ,
 Строятъ радужные виды,
 Ожиданіемъ горятъ.
 Возлѣ нихъ стоитъ Аѣина,
 Ихъ недавняя гроза, —
 На лицѣ изъ парафина
 Бродятъ мутные глаза, —
 Оцѣнивши всѣ детали,
 Преградила вдругъ имъ путь:
 — Почему вы „по-три“ стали,
 А не проще какъ-нибудь?
 Отвѣчаетъ кто-то смѣло
 Съ мудрымъ видомъ знатока:
 — Такъ инспекція велѣла, —
 Дверь — изрядно широка,
 Мы, какъ видишь, — безъ балласта,
 Ясно, что и говорить,
 Что, впуская по-три, насъ-то
 Будетъ проще водворить!
 — Проще! — Молвила Аѣина. —
 Правъ ты, абитуриентъ!
 И лицо изъ парафина
 Оживилось на моментъ.

Въ сторонѣ, ладони грѣя,
 Головой поникнувъ, ждуть
 Два истерзанныхъ еврея,
 Проскочившихъ въ институтъ.
 — „Пропуская по-три насъ-то...“ —
 Повторилъ одинъ слова, —
 А вотъ насъ-то — „по-три на-сто!“
 Водворишься — черта съ два!

Владиміръ Воиновъ.

ОТЧАЯННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

— Почему же вы не кричали, когда онъ снималъ съ васъ часы.

— Да я остерегался открыть ротъ — у меня тамъ золотыхъ зубовъ рублей на сто.

Ө.

Посвящается памяти милого,
 добраго, славнаго капитана Майнъ-Рида.

Они гуляли въ красивыхъ окрестностяхъ дачной мѣстности, одной изъ самыхъ излюбленныхъ въ столицѣ. Гуляли и разговаривали. Одинъ изъ нихъ черный и кудрявый съ сластолюбивыми глазами походилъ на писателя или художника, а другой, маленькій, худенькій, весь изъѣденный желчью, какъ старый гвоздь ржавчиной, болѣе смахивалъ на чиновника изъ консисторіи, застарѣлаго въ кляузѣ. И тотъ, что походилъ на писателя, былъ консисторскимъ чиновникомъ, а смахивавшій на чиновника изъ консисторіи, былъ писателемъ.

И писатель больше молчалъ, желчно покусывая губы, а консисторскій чиновникъ съ красивыми, сластолюбивыми глазами говорилъ почти безъ умолку, красиво закругляя фразы.

— Въ этой дачной мѣстности, — говорилъ онъ, — я прожилъ десять дачныхъ сезонѣвъ. Моя страсть — прогулки по самымъ уединеннымъ мѣстечкамъ въ самые разнообразныя часы дня, рано утромъ и поздно ночью, вечеромъ и въ полдень и, наконецъ, въ послѣобѣденныя часы, когда почти вся дачная мѣстность погружается въ сонъ. И, Боже мой, чего я только не видѣлъ въ часы этихъ прогулокъ!

— Эге, — задумчиво проговорилъ писатель.

Боръ, среди котораго они шли, внезапно разступился, образуя великолѣпную луговину, съ воронкообразной ямой посрединѣ, походившей на кратеръ вулкана. Эта яма была окружена какъ изгородью зеленой стѣною кустарника, а ея скаты пестрѣли золотыми звѣздами одуванчика и нѣжной эмалью незабудокъ.

Когда они проходили мимо, консисторскій чиновникъ, походившій на художника, опять сказалъ:

— Два года тому назадъ, однажды луннымъ вечеромъ, свѣтлымъ какъ день, на скатѣ этого живописнаго кратера я наблюдалъ любопытную парочку. Ей было никакъ ужъ не менѣе сорока съ хвостикомъ, а ему — онъ былъ въ гимназической блузѣ...

— Не можетъ быть, — проговорилъ писатель.

— Я вамъ говорю! Клянусь честью!

— Ого, — проговорилъ писатель и покачалъ головой.

— Отъ всей фигуры героя этого романа такъ еще вѣяло романами Майнъ-Рида, „Всадниками безъ головы“, „Ползунками по скаламъ“...

— „Охотниками за скальпами“? — спросилъ писатель.

— Ну, да. Между тѣмъ, они не видѣли меня — эта парочка. А я смотрѣлъ на нихъ, самъ не вѣря своимъ глазамъ. Онъ — тотъ „Ползунокъ по скаламъ“ былъ блѣденъ, видимо еще не совсѣмъ ясно понимая того, чего отъ него добивались. Но въ его виноватыхъ глазахъ уже загорались огоньки пробуждаемой чувственности. А она говорила ему, картавая, должно быть, отъ избытка чувствъ, съ лицомъ, лоснящимся отъ излишковъ томности. Читала ему изъ Фета вотъ такъ: „А тамъ-то гохову закинъка да възгяни, какая гхубина и чистота надъ нами!“

— Удивительная чистота... хм! — желчно процѣдилъ писатель. — Удивительная...

— Да. Чистота свиного хлѣва. Однако, недѣли черезъ двѣ, я опять встрѣтилъ ихъ. Ее, перерѣбую „Бѣлую Лилію“ и того „Ползунка по скаламъ“ изъ третьяго класса гимназіи. Они сидѣли на скалѣ того же благовоннаго кратера. Вѣроятно спасаясь отъ комаровъ, она курила, но только не „трубку мира“, а весьма тоненькую папиросу. А стриженный скальпъ „Ползунка по скаламъ“ уже побѣдно покоился на ея колѣняхъ. Впрочемъ, вмѣстѣ съ его головою, къ счастью...

— Ого. Значитъ она оказалась „охотницею за скальпами“?

— Вотъ, вотъ, — проговорилъ курчавый консistorскій чиновникъ. — Часа черезъ два, между тѣмъ, я опять встрѣтилъ этого несовершеннѣшняго героя предзакатнаго романа великой „охотницы за скальпами“, и встрѣтилъ какъ разъ у „вигвама“ его родителей видимо. Онъ шелъ, виновато потупивъ свой „скальпъ“, и на его щекахъ пылали розовыя пятна. Отъ укусовъ комаровъ? Отъ поцѣлуевъ великой охотницы? Отъ сознания своей вины? У самой калитки его встрѣтила женщина — его мать безъ сомнѣнія. Она, видимо, была встревожена продолжительнымъ отсутствіемъ своего мальчика, и въ ея глазахъ мерцало одно безпросвѣтное безпокойство. И невольно я сравнилъ этихъ двухъ женщинъ. И подумалъ: „одна — верхъ, другая — низъ. Можно-ли ихъ сравнивать?“

Писатель сказалъ:

— Отчего-же? Какъ угадать, гдѣ верхъ и гдѣ — низъ у одной и той-же лѣстницы? Вѣдь, стоитъ ее переставить другимъ концомъ...

— Положимъ, — какъ будто, согласился, консistorскій чиновникъ. — Между тѣмъ, мать безпокойно спросила сына: „Гдѣ ты былъ? Отчего не шелъ ужинать?“ Тотъ отвѣчалъ рѣзко и сухо. Видимо, между нимъ и матерью уже встала та, третья...

— Охотница за скальпами?

— Ну, да. Какъ проклятая стѣна. Какъ первый грѣхъ. — „Быль!“ отвѣчалъ сынъ рѣзко. — „Быль“. — „Гдѣ?“ допытывалась мать. — „Блѣ у Марьи Степановны простоквашу“. — „Простоквашу?“ переспросила мать. И опять оцупала сына глазами со святымъ безпокойствомъ. Но имя Марьи Степановны, очевидно, ее успокоило. Марья Степановна, очевидно, была внѣ всякихъ подозрѣній. И мать, уже успокоенная, добавила: „Простоквашу? Это хорошо. Это здорово. Иди съ Богомъ спать“. А еще черезъ недѣлю я снова встрѣтилъ ту же безподобную...

— Охотницу за скальпами?

— Да, но уже въ иномъ мѣстѣ, въ крутомъ овражкѣ за березами. И на ея колѣняхъ покоился скальпъ уже другой масти: оченно рыжій. И къ счастью тоже вмѣстѣ съ головою. Этому скальпу было лѣтъ пятнадцать...

— Однако! — вздохнулъ писатель.

— Ну, да, да! Между тѣмъ, тотъ, первый, тотъ „стриженный скальпъ“ оказался по ревности самымъ настоящимъ Отелло, и онъ пытался убить безподобную побѣдительницу „Рыжаго скальпа“. Вскорѣ-же онъ стрѣлялъ въ нее...

— Что вы говорите?

— Не пугайтесь! Стрѣлялъ изъ самострѣла, заряженнаго стрѣлой, снабженной булавкой. А такъ какъ коварная обольстительница скальповъ всѣхъ мастей, испугавшись самострѣла, обратилась тотчасъ-же въ бѣгство, то она и отдѣлалась затѣмъ очень легкимъ пораненіемъ, и притомъ, въ часть тѣла, почти совершенно не доступную для поцѣлуя...

— И все? — спросилъ писатель.

— И все.

— Все-таки мнѣ жаль здѣсь больше всего Майнъ-Рида, — вдругъ вздохнулъ писатель.

— Что такъ?

— Что если его совершенно вытѣснятъ изъ сердце юношества вотъ эти безподобныя „охотницы за скальпами“? Нашего добраго, славнаго и милаго капитана Майнъ-Рида, которымъ зачитывались всѣ мы.

Писатель опять вздохнулъ и почтительно выговорилъ:

— И все-таки...

— Что и все-таки?

— И все-таки, и не смотря на все, да будетъ благословенно имя женщины отнынѣ и до вѣка, — проговорилъ писатель почти набожно и съ строгимъ лицомъ. И приподнялъ съ головы свою шляпу.

Ал. Будищевъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Конкурсъ пѣсни.

А. Ренниковъ въ „Нов. Времени“ высказываетъ свое мнѣніе объ украинцахъ, любящихъ Украину и чтущихъ свой языкъ:

...И когда мнѣ лично приходилось встрѣчаться съ этимъ заядлымъ украинцемъ, я всегда съ сожалѣніемъ смотрѣлъ въ его лихорадочно сверкавшіе глаза, переводилъ задумчиво взглядъ на его черепъ, и почему-то невольно на мысль мнѣ приходили слова:

„Віють вітры, віють буйны!..“

Можно предположить, что когда малороссъ переводилъ задумчиво взглядъ на черепъ господина Ренникова, ему тоже приходили на мысль слова великорусской пѣсни:

„Ой, пуста, пуста коробушка“.

Плохая маца.

Другой сотрудникъ „Новаго Времени“, какой-то А. Г. Поповъ, спѣшитъ обнародовать такія цѣнныя свѣдѣнія о ритуальныхъ убійствахъ среди евреевъ:

Извѣстно, что мацу у нихъ готовятъ для ѣды дома болѣею частью христіанскія дѣвушки, а та маца, что прибавается гвоздемъ къ притолкѣ двери, имѣющая особую форму, нужно полагать, готовится иначе и въ иное время. Она появляется неожиданно на праздникъ Пасхи. Еврей, входя въ домъ, плюютъ на нее. Я не хочу сказать, что эта маца съ кровью, но я хотѣлъ бы знать объясненіе этого обычая.

„Новый Сатириконъ“ беретъ дасть объясненіе этого страннаго обычая — плеванія на мацу.

Просто всѣ евреи предполагаютъ, что маца, прибитая къ дверямъ, изготовлена на крови сотрудниковъ „Новаго Времени“.

Впрочемъ, нужно признать, что этотъ обычай распространенъ не только среди евреевъ, но и среди христіанъ.

Разсудительный судья.

Предсѣдательствующій Московскаго Окружнаго Суда Саловъ во время разсмотрѣнія дѣла задалъ вопросъ подсудимому:

„Скажите, а раньше, когда вы пять разъ судились за воровство, васъ тоже каждый разъ били при допросѣ?“

Подсудимый отвѣчаетъ утвердительно.

„Жаль, что мало били“, — замѣтилъ предсѣдатель. — „А то вы перестали-бы воровать“.

Вмѣсто того, чтобы убивать время въ этихъ пустыхъ сожалѣніяхъ, предсѣдатель лучше-бы примѣнилъ свои взгляды на дѣлѣ: схватилъ-бы чернильницу и запустилъ ею въ подсудимаго. Или просто тутъ-же далъ ему нѣсколько подзатыльниковъ.

А если-бы, кромѣ того, навалились присяжные засѣдатели — то подсудимый, можетъ быть, и навсегда пересталъ-бы воровать.

А то всѣ говорятъ: „скорый судъ, скорый судъ“, а скорого-то суда и нѣтъ.

Техника на службѣ капитала.

Въ Карлсбадѣ чуть не сгорѣла живо жена американскаго миллионера Вирджинія Вандербильдтъ.

Ея кровать, въ собственной виллѣ, снабжена электрическими проводами для согрѣванія матраца, подбитаго электротермической тканью.

На дняхъ, когда г-жа Вандербильдтъ заснула, провода тока вспыхнули и подожгли одѣяло и простыни. Миллионерша проснулась отъ сильныхъ ожоговъ.

И черезъ золото слезы льются.

Съ другой миллиардершей былъ еще болѣе поразительный случай: чтобы не утруждать желудокъ перевариваніемъ пиши, она заказала себѣ крохотную керосинку Примусъ, которую оперативнымъ путемъ и вставили въ желудокъ.

Вообразите же себѣ ужасъ этой элегантнои дамы, когда керосинка, испортившись, по своему обыкновению, начала коптить.

Впрочемъ мало ли ихъ — зря коптящихъ небо?

Афиша.

Въ Островѣ (Псковск. губ.) давали „Орленка“. На афишѣ были подзаголовки:

- 1) Крылья связаны.
- 2) Крылья перевязаны.
- 3) Крылья надломлены.
- 4) Крылья переломлены.

Все связано, перевязано, надломлено, переломлено. — кромѣ рукъ режиссера, составившаго афишу.

... Мало кому известно, что княжна Тараканова состояла подписчицей „Нов. Сатирикона“ — журнала, который утѣшалъ ее въ самыя трудныя минуты жизни...

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 2-е ПОЛУГОДИЕ
на журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Въ годъ 52 №№ еженедѣльнаго литературно-художественнаго, богато иллюстрированнаго журнала **САТИРЫ и ЮМОРА**.

Журналъ выходитъ при ближайшемъ участіи **Аркадія Аверченко, Радакова, Н. В. Ремизова (Ре-Ми), А. Юнгера и А. Яковлева**, а также при участіи всего состава прежнихъ сотрудниковъ.

Издатель — Т-во „Новый Сатириконъ“. Редакторъ **Аркадій Аверченко**.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ дост.) 6 р. Съ перес. и дост. 6 р. 50 к., полгода 3 р. 25 к., 3 мѣс. 1 р. 75 к. Цѣна № въ розничной продажѣ 15 коп.

САМОЕ ЗЛОЕ.

Было приказано: „пустъ увидитъ онъ свѣтъ, пусть начнетъ наслаждаться свѣтомъ и тогда — отнять отъ него свѣтъ“. Мрачные, въ черныхъ капюшонахъ, съ масками на лицахъ судьи рѣшили ввести осужденнаго въ сказочный дворецъ красивѣйшей женщины, дать ему всѣ блага и въ высшій моментъ полного счастья раскаленнымъ желѣзомъ выжечь ему глаза...

Согласились всѣ, кромѣ одного. Самый старый, трясущійся, косноязычный — всталъ и началъ говорить:

— Вы наказываете тягчайшаго преступника, а поступаете, какъ друзья. Знаете ли вы, что такое физическое страданіе? Скрипка, которая когда-нибудь перестанетъ плакать, ядь, для котораго есть противоядіе, дурманъ, запахъ котораго заглушаетъ роза. Пройдетъ время, наступитъ забвеніе и счастье покорно ляжетъ у ногъ его. Я же даю вамъ наказаніе, которому равнаго нѣтъ въ мірѣ. Дать ему свѣтъ?

Давайте! Вдуньте въ него талантъ. Но не дѣлайте его поэтомъ! Поэтъ всегда найдетъ забвеніе. Сдѣлайте его юмористомъ, лучшимъ въ мірѣ юмористомъ. Пусть смѣхомъ своимъ начнетъ онъ будить лучшія чувства, пусть сила въ его смѣхѣ будетъ такая, что скалы склонятся передъ нимъ... Пусть всѣ заговорятъ о немъ, пусть счастливый почувствуетъ, что уже силенъ онъ своею силою... И вотъ тогда-то станьте около него и только лишь начнетъ онъ говорить — произнесите одно только слово „нельзя“. Пусть пойметъ онъ, что надо говорить, что ждуть всѣ его слова — и нельзя! Играйте имъ, какъ котъ мышью. Позволяйте размѣниваться на мелочи. Пусть хотя бы на секунду онъ чувствуетъ подъ собою почву и только онъ нащупаетъ ее — сразу же вырывайте ее изъ подъ ногъ...

И померкнетъ свѣтъ!

Евграфъ Дольскій.

Издательство „Новый Сатирикон“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Невскій пр., 98. Телефонъ № 59-07.

На складѣ имѣются слѣдующія книги:

Аркадій Аверченко.

„Разказы для выздоравливающихъ“.

Изд. 5-ое. Обложка работы художника А. Юнгера.

Цѣна въ переплетѣ 1 руб. 25 коп.

А. Мюрге.

„БОГЕМА“.

Роскошное иллюстрированное изданіе. Обложка работы художницы Миссъ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Аркадій Аверченко.

„Миніатюры и монологи для сцены“.

Томъ II-й. Содержаніе: Новогодняя пасха, Родственная кровь, Старики, Лѣто, Ложь, Знаменитый трансформаторъ, Власть рока, Таинственный гость, Прологъ, Функельманъ и сынъ, Роковая гребенка, Загадочная телеграмма.

Цѣна въ изящной обложкѣ 2 руб. Выписывающіе со склада — за пересылку не платятъ.

Находятся въ печати и въ скоромъ времени выйдутъ:

Аркадій Аверченко.

„Сборникъ одноактныхъ пьесъ“.

Томъ I-й. Третье изданіе. Цѣна 2 руб.

Аркадій Аверченко.

„Новыя миніатюры и одноактныя пьесы“.

Томъ III-й. Цѣна 2 рубля.

Юма Опискинъ.

„СОРНЫЯ ТРАВЫ“.

Разказы. Съ портретомъ автора и предисловіемъ.

Аркадій Аверченко.

РАЗКАЗЫ. 12 выпусковъ.

(Всѣ выпуски — изданіе 3-е — 5-е). Цѣна каждого выпуска 10 к.

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петербургъ.

Морская. — *Ивину.* — Онъ пишетъ:

„... Зачѣмъ жениться? Чтобы воспроизводить (?) себѣ подобныхъ? Стоитъ ли?“

Да, конечно... Если себѣ подобныхъ, то не стоитъ.

Здѣсь. — *Зебри* *полосатой.* — Приздумалась полосатая зебра:

— „Что если я поѣду въ городъ Изюмъ и наѣмса тамъ изюму... Что будетъ въ чемъ: я въ Изюмѣ или изюмъ во мнѣ?“

Оба вы будете въ корзинѣ.

Л. Деову. — Отрывокъ изъ „Палестинскихъ мелодій“

Вотъ Мертвое море... О, страшное море.

Ни люди, ни лошади капли не пьютъ.

Оно затаило зловѣщее горе,

Ни рыбы, ни птицы въ немъ не живутъ.

До этого вамъ, вѣроятно, были извѣстны нѣкоторыя породы птицъ, живущихъ въ морѣ...

Напримѣръ — осетрина и провансаль.

Масленкину (7 я *Рожд.*, 3). — „Змѣя крутила свою голову налѣво и направо...“

Змѣя это, конечно, простительно. Она безграмотная, каналья.

А если вамъ когда-нибудь придется дѣлать то же, что змѣя, то помните, что вы должны крутить не „голову“, а „головой“.

Б. Провинція.

Полтава. — *Виктору К-скому.* — Не хотите ли видѣть, какъ выглядятъ ваши стихи въ печати?

... Вотъ сѣвши за столикъ, какъ разъ предъ эстрадой
Съ скучающей миной смотрѣли кругомъ.
Усердно строчили они что-то въ тетрадку,
Но усерднѣй тянули изъ рюмокъ вино.

На утро „герои“ проснулись въ участкѣ
Трещала „башка“... Съ „фонарями“ глазки...
И такъ былъ законченъ „священный“ ихъ долгъ.
Но вдругъ поперхнувшись рассказчикъ умолкъ.

Ну, какъ находите? Не правда ли, позорное произведение?

Одесса. — *Букъ.* — Въ дарованіи вамъ отказать нельзя, но пока вы совершенно безпомощны. Не вы владѣете стихомъ, а стихъ — вами.

Altus. — Не подошло.

Минскъ. — *В. В. К.* — Отрывокъ разсказа:

— „Я впелся себѣ руками вволосы“.

Такъ... такъ... И отъ насъ прибавьте.

Ave.

Редакторъ **А. Т. Аверченко.**
Издатель **Т-во Н. Сатириконъ.**

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОРЪ.

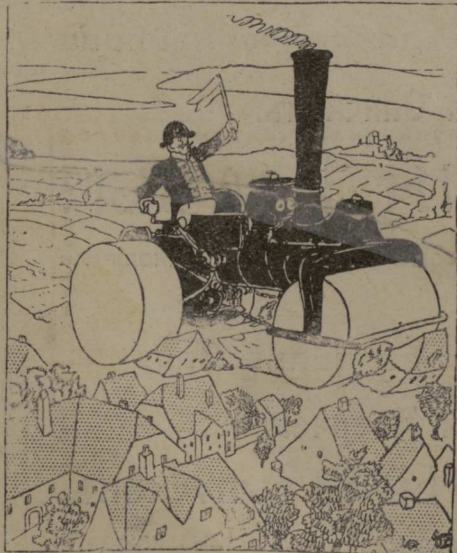
Simplicissimus.

Открытие „Дворца Мира“.

— Проходите, проходите, господа!
Нужно имѣть видъ болѣе приличный,
чтобы войти сюда.

Simplicissimus.

Колонизация нѣмцевъ по Познани.

Гдѣ пройдетъ нѣмецкій предиктъ —
трава не растетъ!

Le Rire.

Франко-нѣмецкія отношенія.

Французъ. — Милѣйшій
Михель! Повѣрь, я всегда буду
достаточно высокъ, чтобы за-
ткнуть тебя пробкой!

e Rire.

Къ открытію „Дворца Мира“ въ Гаагѣ.

— Только бы онъ продержался до конца
торжества!

ЛѢТНИЙ БУФФЪ

Дирекція „ПАЛАСЪ-ТЕАТРА“.
Фонтанка, № 114.

Телефоны: кассы 416-96, конторы 479-13.
(И. Н. Мозговъ, В. А. Кошкинъ, В. Н. Пигалкинъ,
М. С. Харитоновъ, Н. Н. Поликарповъ и Комп.).

СЕГОДНЯ и ЕЖЕДНЕВНО Русская оперетта

ПРИ УЧАСТИИ: Г-жъ Аренской, Варламо-
вой, Гуриэлли, Зброж.-Пашковской, Ка-
вецкой, Лерма, Тамары, Шуваловой;
Г-дъ Александровскаго, Брагина, Коржев-
скаго, Ростовцева и др.
Гл. режис. В. Ю. Вадимовъ. Дир. Л. Гебенъ.

Послѣ окончанія спектакля
Кафе-Концертъ до 3-хъ ч. утра
Блестящая программа!
: Новые дебюты! :
Цѣна за входъ 50 коп. Лица, взявшія
билеты въ театръ, за входъ въ садъ не
платятъ.

МОЖНЫЙ КРОВЯНОЙ ПРЕПАРАТЪ

ГЕМОЗАНЪ

Невской Гигиенической Лабораторіи питательныхъ веществъ.
Удостоен. высшей награды (золотая мед.) на международной выставкѣ
питательн. веществъ въ Лондонѣ.
Рекомендуется врачами, какъ испытанное питательное и укрѣпляющее
средство въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется обогатить нашу кровь со-
ставными ея частями, чтобы поднять общее питаніе, увеличить вѣсъ
тѣла, улучшить аппетитъ и укрѣпить нервную систему.
Гемозанъ анализированъ въ лабораторіи при Военно-Медич. Академіи. —
Содержитъ органич. желѣзо, бѣлки, лецитинъ, нуклеинъ, глицерофосфаты,
Гемоглобинъ и друг. Имѣетъ приятный вкусъ какао. Примѣняется при мало-
кровіи, ослабленіи организма, неврастеніи, истеріи и проч. Съ большимъ
успѣхомъ принимается дѣтьми. Имѣется въ лучш. аптекарск. магазинахъ и
аптекахъ. Цѣна 1 кор.—2 р. 80 к., 1/2 кор.—1 р. 50 к. Остерегайтесь поддѣлокъ!
Главное депо: Невскій, 98. Невская Гигиенич. Лабораторія. Тел. 427-67.
P. S. Кефиръ, кумысъ, лактоациллинъ, болгарская простокваша. Доставка
на домъ бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на второе полугодіе (съ 1-го іюля по 1-ое января)

на еженедѣльный

литературно-художественный журналъ

„Жизнь“.

Во второмъ полугодіи будутъ помѣшены, между прочимъ,
произведенія слѣдующихъ авторовъ: А. И. Купринъ „Ежъ“
разск., А. Каменскій „Мой гаремъ“ разск., А. Гринъ „Дэзи“
разск., Полярный „Споръ“ разск., Тавричанинъ „Книга
великаго хамства“ статья, А. Заринъ „Кровавыя страницы“
статья со многими кошмарными фотографіями, Георгій
Ляндау „Клопъ“ и „Черный паукъ“ разск., Бродовскій
„Именины“ (съ польскаго для „Жизни“) разск.

Подписная цѣна съ 1-го іюля по 1-ое января 1 р. 50 к.
(годовая подписка 2 р. 50 к.).

Цѣна отд. № 5 к. Продажа всюду.

Изданіе Артц. 0-ва „АНОНСЪ“ МОСКВА,
Б. Лубянка, 20.

ТРЕБУЮТСЯ повсемѣстно энергичные агенты для распространенія
очень ходкихъ предметовъ заграничныхъ первокласс-
ныхъ фирмъ. Не требуется капитала и особыхъ знаній. Безъ риска гарантиро-
ванный заработокъ до 300 руб. въ мѣс.

Образцы немедленно высылаются.

На почтовые расходы приложите 3 семи-копѣчные марки. Адресуйте:
т/д И. Мильграмъ, Варшава, Электральной 20, отд. 8.

ЭНЕРГИЧНЫЙ МАЛЫИ.

- Какъ покойный отецъ во мнѣ ошибался-то..
- А что?
- Да онъ все предсказывалъ, что я не способенъ
палець-о-палець ударить...
- А вы?..
- Помилуйте! А я теперь служу клакеромъ въ
опереточномъ театрѣ!..

Путь къ счастью. Какъ надо жить. Сочиненіе д-ра философіи Ф. Кирхнера.
1 р. 75 к. Популярный профессоръ
старается указать намъ, какъ можемъ мы примириться съ жизнью и гдѣ и въ
чемъ можемъ искать утѣшеній и наслажденій, которыя даетъ намъ природа,
искусство, чтеніе, дружба, домашній очагъ, религія, трудъ и отдыхъ, рисуя
свѣтлую будущность человѣка. Все сочиненіе проникнуто ободряющимъ духомъ.
Трезвые взгляды проводятся имъ въ такой легкой популярной формѣ, что
книга эта является необходимою каждому читателю и будетъ прочтена имъ
съ громадною для себя пользою.

Электричество вездѣ и къ услугамъ всѣхъ и каждого. Общедост. основныя
начала объ электрич-
ествѣ, элементахъ и пр. Изготовленіе аккумуляторовъ, элементовъ, сухихъ ба-
тареекъ. Какъ устроить электрическое освѣщеніе при помощи элементовъ, установка
телефоновъ, электрическихъ звонковъ. Подробные расчеты, чертежи и пр. Ма-
ленькія динамо-машины, электродвигатели. Гальванопластика: золоченіе, сере-
брѣніе. Устройство телефона домашними средствами. Ц. 2 р. 50 к.
Заказы выполняются по полученіи стоимости или же съ наложеннымъ платежомъ.
Книгоизд. и книжн. складъ И. И. ВАНЬКОВИЧЪ. СПБ., Итальянская ул., № 14/120.

Гдѣ бывають артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ ?

ВЪ РЕСТОРАНѢ

„ВѢНА“

ул. Гоголя, 12. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные кабинеты. ■ Торг. до 3-хъ ч. ночи.

50.000.000

фруктовыхъ, парко-
выхъ, декоративныхъ
и лѣсныхъ деревьевъ пригото-
вовано къ осенней продажѣ.
Яблоки лучшихъ промышл.
сѣверныхъ сортовъ исключит.
на невмерзающ. рускомъ
подвоѣ: 4-5 лѣтъ отъ 23 руб.
50 к., за 100 и 3 лѣтъ отъ 15 р.
52 коп. за 100. Клубника
„т.обль“ ягоды достиг. 16 зол.
въ 100 — 2 р. 25 коп. Много
интересныхъ новостей. Бро-
шюра „Разведеніе сада“ 10 к.
(марками). Каталогъ съ рисунками
высылается бесплатно.
А. А. БЫХАНОВА съ С-ми.
Долгоруково, Орловск. губ.

ОСТОРОЖНО!

ГИГИЕНИЧЕСКІЯ
РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ
(предохранители)

ОПАСНО БРАТЬ „ГДѢ-НИБУДЬ“!
ЦѢЛЕСООБРАЗНО ОБРА-
ЩАТЬСЯ ТОЛЬКО ВЪ ЕДИНСТВЕН-
НЫЙ СПЕЦІАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ
ОТДѢЛ. ПАРИЖСКОЙ ФИРМЫ

Ж-РУССЕЛЬ

Москва, Столешниковъ пер., 5.
С.-П.-бургъ, Фонтанка 29, уг. Невск. пр.
Кіевъ, Крещатикъ, 5.
Вы должны неотложно потребовать
(бесплатно) высылаются и въ закрытомъ
конвертѣ) полный иллюстрированный

каталогъ №

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ и ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
3-е изданіе книги

Аркадія Аверченко

! ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

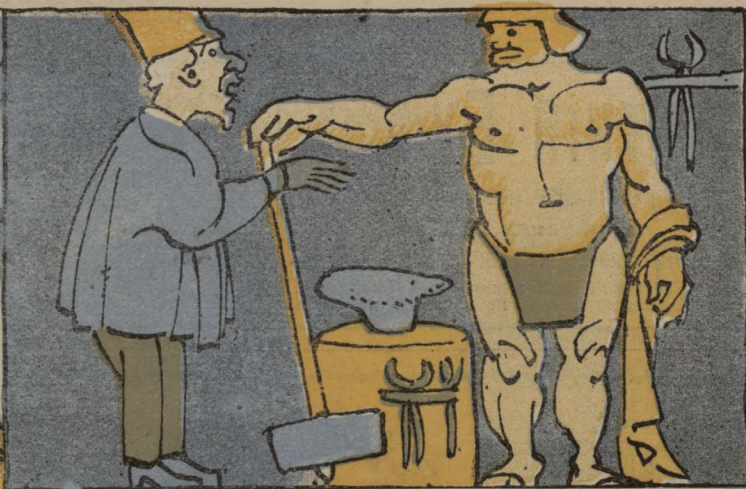
Обложка А. Радакова.

Цѣна книги 1 руб. 25 коп. — СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ: Кн. складъ „Земля“, Невскій, 55.

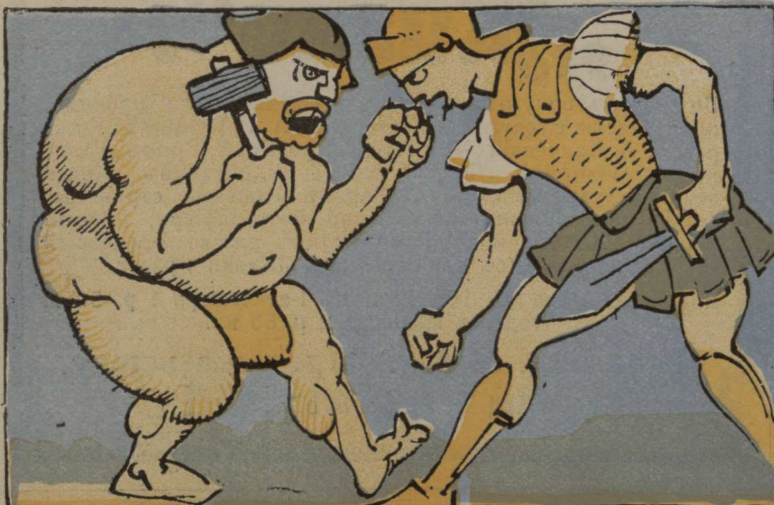
Выписывающіе изъ склада — за пересылку не платятъ.

Явился Бебель къ Зевсу и сказалъ: — Вотъ какіе бывають Громовержцы, безъ цивильнаго листа проживающіе... На землѣ-то они уже повывелись...

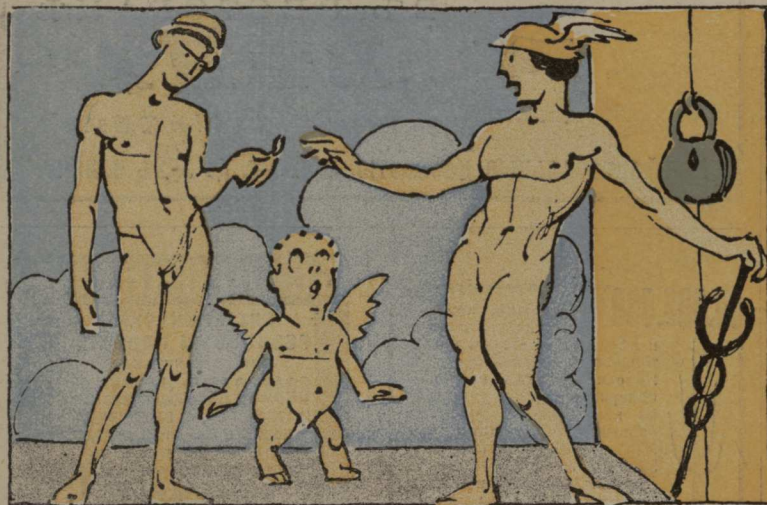
Потомъ Бебель долго объясняль Вулкану, что такое 8-ми-часовой рабочей день.

Результатомъ чего было столкновение Вулкана съ Марсомъ, котораго Вулканъ назвалъ дармоѣдомъ, и отказался ковать ему оружіе.

Харонъ наотрѣзъ отказался перевозить души мертвыхъ черезъ Стиксъ Перваго Мая. Произошла ужасная сцена между Аидомъ и Харономъ.

Меркурій уже съ 6 ч. вечера сталъ закрывать свою лавочку, и позже ни за что не соглашался продать Ганимеду амброзіи для Зевса, а Амуру бѣлили и румянь для Венеры.

Къ ужасу Аполлона Музы остригли свои чудные волосы и цѣлыми днями распѣвали „Интернаціональ“.

Не выдержалъ Зевсъ всей этой ужасной кутерьмы и, когда Ганимедъ послѣ двух-недельной забастовки потребовалъ 1/2 часового рабочаго дня, бѣдный Громовержець рѣшилъ бѣжать на землю. Онъ долго бродилъ по землѣ и предлагалъ всѣмъ свои услуги. Увы! Громовержцы давно ушли въ цѣнѣ. Долго бродилъ Зевсъ безъ дѣла.

И ему, невольно, пришлось сдѣлаться учителемъ Миѳологии, — это было единственное, что онъ зналь. Но любя юношество (Ганимедъ) онъ съ охотой занялся преподаваніемъ Миѳологии. Такова, дѣти, сила нѣмецкаго социализма!